

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0048.01.01

- Здравствуйте.

- Добрый день.

- Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.

- Бубнович Владимир.

- Какого года рождения вы?

- 32ого, 1932.

- Городской поселок Любча, сегодня это уже Новогрудский район, а раньше был Любчанский. А теперь, когда расформировали наш район, по сколько он был однобаковый, за Неманом, считай деревень не было, ну, он малочисленный был, поэтому сейчас я проживаю, да, с 59года, я проживаю в городе Новогрудок, по улице Советской 59.

- Несколько недель тому назад, к вам приезжали мои коллеги, и вы рассказывали им о ваших воспоминаниях, связанных с войной. На этот раз мы приехали, чтобы заснять на видео ваши воспоминания. Скажите, пожалуйста, в 41ом году, когда началась война, где вы проживали?

- В городском поселке Любча.

- В Любча?

- Да.

- Еще вот, в Любчах у вас жили евреи, до войны?

- Евреи?

- Да.

- Евреев, проживало у нас до войны, много. На площади Ленина, были их магазины, в каждом, считай доме. Под домом, были такие сооружения, значит, как их назвать, ну, выходит двухэтажные. Сверху магазин и под домом тоже магазин...

- Они там жили, снизу, или тоже магазин?

- ...и торговали они. Да, они в основном торговлей занимались. И дед мой, непосредственный участник, связей с ними, он ездил в город Новогрудок, за пивом. Привозил, евреи распродавали пиво. Их, я повторяю что, они, почти в каждом доме проживали.

- А вы помните, какие-то имена или фамилии ихние? Сейчас можете припомнить?

- Имена могу припомнить: Шолом, Итско, ну...не могу. Не готов.

- А были какие-то дети еврейские, с которыми вы может быть игрались или знакомы были?

- Знакомых больше всего было у деда, поскольку он с ними, непосредственно торговал. У него в основном, связи были. У меня лично таких связей быть не могло, потому что, возраст у меня был...

- Маленьким были?

- Да, малый возраст.

- А в школу не ходили вместе с еврейскими детьми?

- Я в школу ходил, в детский сад. Мы были оккупированы, по 39й год, под Польшей были. В детском саду, ну ходил в детский сад. Где-то было мне лет 6 в то время, польские служители или как их назвать, очень любили порядок и дисциплину. Когда сидишь, помню, за партой, когда повернешь голову налево или направо, они, помню, походили к тебе с линейкой такой, и говорили: “давай лапу” и как врежет по ладошке, ладошка вспухнет. Вот этот порядок я помню.

- А это была какая-то особенная школа или детский сад? Это был частный или чей детский сад был? Кто организовал его?

- Это польское все было. Находилось это, называли “маёнтак”.

- Маёнтак?

- Маёнтак, да, польский. И там стояли башни, постройки бывших князей, вот. Они потом перешли, под Польшу.

- Ага.

- Так что...

- Понятно, но еврейских детей не было в этом детском саду, правильно?

- Вот этого я не могу утверждать, были или нет.

- Не помните?

- Да. Этого я не помню.

- Какие вообще отношения были между евреями и другими жителями в Любче?

- Ну, торговые, торговые в основном связи.

- Угу.

- Вот.

- Других отношений не было, кроме торговых связей?

- Ну, вот дед, был любителем рыбалки, он, кстати, проживал, в городе Самара, в России. Там мой отец родился, там он занимался рыбалкой, сюда приехал – тоже, и через евреев, реализовывал ловлю на рыбу. Рыбы раньше было очень много, река раньше, река Неман рядом, озер много, затоки, которые соединялись с Неманом. Ну, раньше не так увлекались рыбалкой, как сейчас. Поэтому и меньше стало. Сейчас подводная эта рыбалка, много уничтожает рыбы.

- Скажите, пожалуйста...

- Так что, связи были только вот такие, чисто коммерческие.

- А уже когда началась война и немцы сюда приехали, вы видели что, случилось с евреями в Любче?

- У нас было гетто, недалеко от церкви, и в гетто, я знаю, сгоняли их, И не только наших евреев, но и привозили с других мест. А потом, я не знаю, почему немцы ненавидели евреев, почему у них было такое предвзятое отношение к евреям. Это я хорошо помню, когда их погнали, извините, может быть как стадо неорганизованных людей, потому что, я так рассуждаю, потому что, ну, не может быть, чтобы они не знали, что их ведут на расстрел. А их гнали, значит так, через каких-то 20 или 30 метров, полицаи – это завербованные предатели белорусской нации, значит, с собаками, в четыре ряда, это колонна...

- Построили их?

- Да, построили. Построенные, с детьми на руках, плачут, едут, сестра моя, говорит, Кот Зинаида Петровна, ну, раньше была Бубнович, хотела пару деток спрятать, и уже было подошла к этим евреям, тут ее соседка отдернула, говорит: “Ты не думаешь, что будет с твоей семьей и с твоими родственниками уничтожат”. И вот, закончилось это тем, что значит, завели этих евреев за кладбище. Кладбища в Любче были не такие большие, и все просматривалось, а немцы говорили, что мы вам гоним, копать окопы, потому что, будут нападать партизаны, нам нужна охрана. Вот, типа окопов, рытья окопов.

- Вы слышали, как про это говорили немцы, или это слухи были такие?

- И слухи были, и евреи сами говорили, что нас гонят, вот, копать окопы.

- Угу.

- Их, это я видел, как их гнали, хоть, ну, сколько мне было в то время, лет 8-9.

- Это все, в каком году было? Это было сразу же в первом году войны или во втором году войны?

- Это на второй год войны.

- Угу. Значит в 42ом, значит 10 лет тогда?

- Где-то...как вы сказали?

- 10 лет, наверное.

- Да, где-то 10 лет было. В общем, их загнали за кладбище, положили лицом вниз. Приказали лечь, потом поднимали, по 10 человек поднимали, и веди к яме, которая уже была приготовлена и расстреливали. И расстреливали так, что дуло этого, ну ствол, этого пулемета, красный был, раскалился, потому что, непрерывно работал. И потом их засыпали и яма, три дня, шевелилась, вот так. Вот это я хорошо помню.

- Я хочу некоторые детали уточнить, чтобы лучше всего понять про это.

- Так.

- Когда их гнали, их, откуда гнали?

- Со стороны гетто, с площади, с площади Ленина, и на улицу Ленина, где я проживал.

- То есть вы могли видеть это, потому что они гнали возле дома вашего?

- Да, я мог видеть, если во дворе игрался.

- Понятно.

- Вот.

- Так, что вы вышли со двора или вы были во дворе, когда видели все это?

- Я вышел на дорожку, вышел и смотрел, как они плакали, как несли этих деток маленьких. Боже, это, я не знаю, человеческого ничего не было, в этих белорусских предателях. Они устроились полицаями, и их много было полицаев. И были даже такие, как каморник. Памятники Ленина и Сталина, тащили в Неман, а когда власть поменялась, в 45ом году, значит, когда пришли, короче наши к власти опять, уже, в общем, победили немцев, то их судили и по 7 лет строгого режима.

- Угу.

- Они отсидели за это.

- За то, что памятник сбросили?

- За, то, что да...памятник сбросили. И затевали драки, кстати я в одной из драк участвовал. Специально затевали драки.

- Когда это было?

- Это был 56 год, я пришел с армии...

- То есть, после войны?

- 56ой год, в январе, 6 января, 56 года, я пришел с армии. А призван был в 52ом году. Ну, раньше, раньше служил в авиации. Раньше 4 года служили, в этой, в пехоте 3, и в морском флоте 5 лет.

- Угу.

- Ну, я там под сокращение попал, три года отслужил, и пришел на танцы, а он так ногу выставляет и стоит у двери и затевает драку.

- То есть его уже тогда освободили?

- Да, уже освободили, но это нехорошие люди. А потом он, этот Игнат, парикмахером работал тогда, люди боялись идти к нему стричься, потому что может голову отрезать бритвой. А потом у него не хватило терпения, значит, люди ведь говорили ему правду, и с моста, залез на перила, в Любче мост, и утонул. Когда начал топиться, кричал: "спасите, спасите". Ну, в общем, его конец, тот которого он заслуживает.

- Понятно.

- Вот.

- Так что, вы узнали, это ваши евреи были, из вашей деревни или из других мест?

- Были из других, у нас столько не могло быть. Они шли в 4 колонны, то есть, в 4 ряда извините.

- Да, да.

- Столько шли, что мне надоело стоять.

- А сколько примерно времени вы там простояли?

- Ну, минуты 3-5.

- 3-5 простояли, а потом зашли в дом?

- Я зашел в дом, чтобы матери сказать, она там больная была. Так вот, она еще хвост, ну которые последние шли, она еще видела. Тоже заплакала, говорила, боже мой, что же они делают, деток маленьких, ну взрослые ладно. Но там были, конечно С Любчины, не могло быть не с Любче.

- Но там были с Любче и из других?

- И из других, да.

- Вы кого-нибудь узнали, или ваша мама, или ваша сестра, они узнали кого-то, из Любче?

- Была одна еврейка, которую, значит, спасли в Карельском районе, и она у нас работала в детском доме, здесь. Здесь и умерла. Доршиловская по моему, фамилия.

- Угу.
- Ну, знает хорошо, директора музея, вашего.
- Так.
- Директор музея, вашего, знает, что вот была такая, которую спасли. А больше я не слышал.
- Но, она тоже была в колонне? Вот эта, Доршиловская?
- Ее в Карельском районе спасли, там тоже было, такое же гонение.
- Ага, понятно.
- На евреев, там было такое гонение, как и у нас.
- А сестра ваша, вот которая смотрела с вами – Зинаида, ей тогда, сколько лет было?
- Она на год старше меня.
- На год старше?
- Она 31ого года, а я 32ого.
- Она говорила, что хотела забрать каких-то деток к вам в дом, да?
- Да, она говорила мне. Я вот недавно ездил с братом, проведать сестру. Она плохо себя чувствует. Разговаривали. И про это она говорила, что ко мне придут записать факты некоторые. Она говорила: “Ты, пожалуйста, расскажи, все что знаешь”. И вот она этот случай рассказала, что когда шли, евреев она видела тоже, когда их гнали на этот самый, только вот, единственное, она и я, возмущаемся тому что, все ж таки, сколько там этих полицаев было? Ну, 10, ну 15, а сколько евреев шло? Набросились бы на этих полицаев, забрали бы оружие и ушли бы все в лес.
- А когда хотела забрать деток с собой...
- Но один, извините, ушел.
- Еврей?
- Да, когда расстреливали, вот.
- Угу.
- Когда они перезарядку делали там, там это, ну вставляли новые диски, чтобы расстреливать, с новыми патронами, то еврей один поднялся и убежал в сторону Немана. Он зигзагами бегал вот так и перешел Неман, и убежал в лес, так стреляли с пушки, представляете? По одному человеку из пушки стрелять и все равно ушел. Ну, как его фамилия, я конечно не помню, но этот случай, в Любче, любого человека, который в возрасте, который помнит войну, любой вам подтвердит этот факт.

- Про этот случай вы знаете со слов других людей или сами видели?
- От других. Я видеть этого не видел, но соседи не могли врать и не могли сочинять.
- А этот еврей, он был из вашей деревни из Любчи, или из другого места?
- Вот этого тоже не могу утверждать.
- Местные не говорили он местный или из другой деревни?
- Да, не говорили, да.
- Я хотела спросить, когда они проходили мимо, на них были какие-нибудь нашивки или еще что-нибудь? Какие-то знаки на одежде?
- То, что они по-еврейски разговаривали, это факт, вот...
- Вы, могли понимать, что они говорят?
- ...и в том, что это были точно евреи, там, где они захоронены, там есть шильды и там написано, сколько там евреев захоронено. Ну, примерно, точную там цифру никто не мог посчитать, когда они засыпаны были, и в яме шевелились, никто же не мог залезть и посчитать их.
- Угу.
- Но, что это были евреи, вы можете в этом не сомневаться, 100%.
- Но, вы не помните, чтобы на них были знаки?
- Еврейский язык только.
- Еврейский язык только?
- Только еврейский язык.
- А вы тогда распознавали, то есть умели тогда распознавать?
- Еврейский язык похож на немецкий. Если по-еврейски разговариваешь, то немец может кое-что понять.
- Угу.
- Так, что. Я немецкий язык изучал, кстати, но потом, во время войны, во время войны, в школу не ходил. Сколько там классов закончил, не помню. А уже, когда война прекратилась, тогда уже пошел заканчивать 10 классов.
- Как вы думаете, в той колонне, я понимаю, что очень сложно оценить, но как вы думаете, сколько людей могло быть там? Десятки, сотни, может больше?
- Ну, не десятки, там сотни были. Ну, на мой взгляд, не меньше четырехсот.

- Угу.
- Не меньше.
- Понятно. Они с пустыми руками или они с вещами ходили?
- В основном, без вещей. В основном без вещей. Как одеты, были, детей этих маленьких на руках несли, кто за руку вел, кто на руках нес.
- А одеты они были по-зимнему или по-летнему, какая погода была или вообще, какой месяц?
- Это, дорогие мои, было время, так, уже рожь молотили где-то...
- Я не знаю, это июль, август?
- Где-то в июле.
- Угу.
- Тепло было. Я помню, что я был...
- Легко одеты?
- Да, легко одет был. Это было где-то посредине лета.
- Так.
- Посреди лета.
- И вот вы говорите...
- Дату точно я не могу назвать.
- Ну, естественно. Там были полицейские, но там были и немцы тоже, я правильно поняла?
- Были, были и немцы.
- Много немцев было?
- Немцев, в Любче, как таковом, оккупированном немцами, их немного было. Их было, ну максимум 15 человек. А полицаев, было, извините, не меньше 50ти. Полицаев было много. И ходили, еще ходили такие предатели, такие типа Черкеса. Вот, один из них – Черкес. Недалеко проживал от нашего дома, идет к нам, отец мой покойный, приказывал: “На замок рот, не открывать никому” и кладет ремень, чтобы ремень напоминал всем, о том, что всем кто рот откроет... Он заговаривает, старается что-то...
- Выудить?
- Извините, что выловить, вынюхать. А потом забирают эту семью, увозят в Сибирь.

- В Сибирь это раньше увозили, советские или когда? Кто увозил в Сибирь?
- Ну, увозили, потом не являлись.
- Понятно, то есть он просто пытался...
- Увозили, а куда увозили? Ну, в общем, предателей хватало.
- Вы знаете...
- Один из них Черкес, вот, сосед.
- Вы знаете какие-то случаи, чтобы одну семью, какую-то конкретно увозили куда-то? Вам известны такие случаи?
- Так. Что увозили, это факт, а вот назвать фамилию я не могу.
- Не помните, да?
- Потому что возраст такой, понимаете?
- Угу.
- Но, все говорили о нем, все боялись этого Черкеса, пока он вместе с немцами не ушел. Предатель.
- Так, вы видели со стороны гетто колонну эту, хочу еще раз спросить, их по направлению к кладбищу куда-то гнали, да?
- Да, да.
- А кладбище было далеко от вашего дома?
- Ну, метров 400.
- Метров 400. И с вами, вернее из вашего дома, вы могли видеть кладбище? То есть место было ровное или кладбище было закрыто?
- У нас...
- Не знаете?
- У нас любчанская местность не гористая. Новогрудок гористый – горы, а там никаких гор и просматривается до самого Войново. А Войново, это там где маслозавод. Просматривалась вся территория. А кладбища небольшие были, а теперь они выросли в 3 раза больше стали, по длине, в сторону маслозавода. Вот. Просматривалось это дело хорошо.
- Так, что, вы видели это со двора?

- Да, начало, когда завернули за кладбище, направо, колонна завернула, то хвост, еще последними кто шел, просматривалось, но все кто шел дальше, в сторону Войново, как мы называем маёнтак, был такой, то все просматривалось. Дальше они не пошли, их сразу за кладбищем и положили.

- Угу.

- Вот так.

- Вы говорили, что вы видели колонну, потом вы зашли в дом, потом получается вы вышли и уже, тогда видели как эта колонна...

- Колонна дальше не пошла, за кладбищами, колонна дальше не пошла.

- Потом, с вашего двора, вам было видно, как их уложили всех, лежать лицом вниз?

- Их...

- Или вам кто-то про это рассказывал?

- Их положили, кто ближе проживал, в конце улицы. Все видели, потому что там метров 200, не больше.

- Ага.

- И они рассказывали, как они подводили по 10 человек и их подводили к яме и расстреливали.

- Вы не помните, имена или фамилии тех людей, которые вам рассказывали про это?

- Так это надо ехать в Любчу, и их может, нет на белом свете. Может, ушли, в другой мир. Надо посмотреть.

- Но, вы не припоминаете, кто рассказывал, от кого слышали, от каких семей?

- Ну, я только могу сказать, что там проживала семья, значит, Олешкевич, по фамилии Олешкевич.

- Угу.

- Это брат моей покойной матери. И они в конце улицы жили.

- И это они вам рассказывали?

- И они нам об этом рассказывали и другие об этом рассказывали. Но, к сожалению, для дяди, Олешкевич, это мой дядя, и брат двоюродный, здесь в городе, в комхозе, он был начальником комхоза, 34ого года, тоже умер. И не с кем, так сказать...

- Понятно, то есть это вот от вашего дяди, вы слышали?

-... ну, разговоры, по всему поселку. Разговоры, в этом сомнения нет, что это, что именно так, значит, за кладбище завели, положили лицом вниз, поднимали по 10 человек и расстреливали. В Любче, любого человека, моего возраста, если вы сомневаетесь, пожалуйста, можно поехать в Любче...

- Нет, нет, никто не сомневается. Я хочу еще просто уточнить, что еще можно было рассмотреть с вашего двора? Вы могли рассмотреть хотя бы фигуры, вот тех людей, в которых стреляли, было видно там, люди или полицейские, что-нибудь можно было увидеть с вашего двора?

- С моего двора трудно было увидеть, только единственное что я могу подтвердить, что значит, когда их завели за кладбище и вдруг их не стало.

- Ага, они не выходили?

- Да, их положили.

- А выстрелы вы слышали?

- А потом, через некоторое время выстрелы. Там ведь, больше часа не останавливался этот пулемет.

- Больше часа?

- Да, больше часа.

- Были именно пулеметные выстрелы?

- Да, из пулемета расстреливали, с пулемета.

- И около часа слышны были выстрелы?

- Да.

- Вот, вопрос, про, когда вы говорили, что в еврея стреляли из пушки, тоже были слышны и пушечные выстрелы?

- Было, конечно слышно.

- Пушечные?

- Да.

- Один или несколько было таких выстрелов, пушечных?

- 2 или 3 выстрела было, и он ушел.

- Понятно.

- Упадёт, зигзагом бежал, упадет, дальше побежал.

- Это тоже рассказывали другие люди?
- Это рассказывали очевидцы. Там видите как, там как кладбище в Любчах, вы были там?
- Нет.
- Нет? Ну, вот жаль, у вас бы больше представления было бы. Там просматривается все.
- Угу.
- Где сестра живет, на лугу.
- Так.
- И правая сторона, где их расстреливали, где сейчас кладбища, эти, где эта земля дышала, когда их расстреливали. Значит там, просматривается только так.
- Угу, так что были люди, которые видели?
- Да, правая сторона просматривалась вот так.
- Вы говорили, что там уже были ямы, выкопаны?
- Были ямы выкопаны.
- Вы не знаете, кто выкопал эти ямы и когда?
- Ну, накануне выкопаны были, за 2, за 3 дня, до расстрела. Но, потом их уже сгоняли в гетто, со всех районов я так понимаю, потому что у нас, столько не могло быть.
- А кто копал не знаете, не известно?
- Людей заставляли копать.
- Местных?
- Местных.
- Вам известно, может быть вы, слышали о таких случаях, когда кого-нибудь вызывали, или вы не знаете?
- Там никто, никого не спрашивал, немцы, сгоняли людей, и заставляли, делать то, что они прикажут. А то, что вербовали, этих, молодых, значит, молодежь и под видом, что, значит, учиться на летчиков, в школу направим, то многие согласились. А брата моего забрали, я уже вам рассказывал. Пытался я, его освободить, предлагал взятки, не нашел.
- Искал брата вашего?

- И в Барановичи ездил, и в Минск ездил, а брата забрали, и только вернулся, через недели две.

- Дедушка ваш?

- Нет, дедушка вернулся раньше, а брат...

- А, брат?

- Их загнали за этот самый, за Минск, 120 километров, там был огорожен лагерь этот, вокруг, по проволоке ток пустили, если дотронешься, убьет. Стояли вышки, и на вышках, с пулеметами, в общем, их, сгоняли со всей, видно Беларуси. Боялись, что подрастающая, молодая сила, это же было пополнение для армии, вот. Они пытались уничтожить молодежь.

- А сколько лет вашему брату было, когда его забрали?

- Он, 29ого года.

- 29ого года?

- Да, 29ого. Это было уже ему лет 14-15.

- Когда его забирали?

- Да. Когда приехал, когда пришел, сказал, мой брат, полицейские, которые охраняли, стояли вышки, пулеметы, все освещалось. Говорили полицейские, последние дни, даже последние часы, мол, доживаете, вас на рассвете всех расстреляют. Тогда, мы решили, это самое, там вокруг траншеи были, решили удрать.

- Траншеи вокруг лагеря?

- Да, вокруг лагеря. На случай, если будут освобождать партизаны или еще кто, военные действия, или еще что, им спрятаться есть где. На вышке же не спрячешься. Так вот, выгребали из под проволоки, из под ограды этой, ногти по обдирали, рыли землю, чтобы можно было пролезть под проволоку. Ну, он был более спортивный такой, типа как я, пролез, а друг, Радевич...

- Тоже из вашей деревни?

- С Любчей?

- Да.

- Сосед наш, Радевич.

- А как его звали?

- Радевич, Коля. Радевич Николай.

- Коля, понятно.

- Когда он пролазил, мой брат пролез без проблем, а он зацепил пяткой, и тут же зазвенела, эта...

- Сигнализация?

- Сигнализация, сработала и прожекторы сразу же осветили всю территорию. Я, говорит, бежал без памяти, бегу, говорит, упаду, приду в себя, и снова бегу. И брату прострелили плечо, когда убежал. И вот когда шли домой, лесом естественно, решили никуда не заходить.

- А этот друг его, он там остался?

- Нет, он тоже убежал.

- Убежал?

- Да, оба ушли.

- Угу.

- И говорит, желудочек требует, поесть надо, ягодами одними сыт не будешь. И тут при дороге, стоит хутор. Ну, решили зайти, заходим, в этот дом, а тут автомат висит на стене.

- Полицейские?

- Полицейские. Мы говорит, я говорит, как более сообразительный, все-таки не просто окончил Гомельский университет, физико-математический факультет, и этому сказал молчать. “Так вы, зачем пришли?” – полицейский спрашивает. Я говорит, видел, как вы шли, что с левой стороны, траншеи копали, говорит, мол, мы туда идем. Он говорит, я тоже туда иду. Они, конечно, испугались, ну а что делать, дошли до перекрестка этих дорог, говорит: “вы идите прямо, а мне налево надо”, потом оглянулся, прошли метров 10, а потом разворачиваемся, как рванули, говорит, в лес убежали и уже никуда не заходили. Это была осень, мы молотили рожь. Ну, такая простая, как ее назвать, оборудовано, такое бревно, колесо большое, тут лошадь по кругу ходит, ну молотит там. Трудно рассказать, да я уже и забыл, про эту молотилку. Короче, он заходит в дом, он так руку за воротник закладывает и вшей, кидает у порога. Ну, неприятно ведь кушать, я говорю маме, ну, мать покойная уже, я говорю, дай ему что-нибудь, так пускай идет, мы просто его не узнали. Он настолько был тощий... вот почему то, я всегда расстраиваюсь, когда вспоминаю, так что воспоминания, этих, кто придумал войну, чтобы врачи проверяли их головы, и чтобы не было больше войн. Так, вот, он когда заплакал, мы по голосу узнали его.

- Угу.

- Ну, потом мы его раздели, сожгли одежду. Короче, немец уничтожал молодежь, молодую силу.

- А вы говорили, что их завозили туда, под предлогом, что они поедут в авиационную школу, да?

- Да, да под предлогом, в авиационную школу. Некоторые клюнули.

- Угу.

- Вот, а моего брата забрали...

- Так, что они вернулись, вместе с другим бежавшим?

- Да, да, с Радевичем. Вот брат умер, наверное, лет 6 назад, все-таки сказалось, вот это вот.

- А вы не помните, какой год был, ну вы говорили, что лет 14-15, но это был 43й или 44й?

- Он еще нас спас от голода, это бомбили Любчу, и мы в лес удирали. Дед спрятался, там речушка такая, под мостом, и бой был в Любче...

- К концу войны?

- Да, к концу войны.

- Угу.

- И эти самые, власовцы, с партизанами дрались, два партизана убежали, а дед под мостом сидел, и расстреляли, они рядом, затока называется, а она грязная, грязи по пояс, и они ее пытались перейти, не смогли, их расстреляли. Потом, я лично...

- Кого расстреляли?

-...видел, как они за три дня набухали, пальцы были, как моя рука здесь. Их раздуло вот так, это жаркое лето было.

- Я просто не поняла, кого расстреляли?

- Партизан.

- Партизан?

- Да, власовцы.

- Власовцы расстреляли партизан?

- Да. Любче горело, мы удрали в лес, а брата нет, этот, который уже пришел.

- Это значит, который из плена ушел?

- Да, да, который из плена ушел. Вон, маслозавод в Любче, значит, бомбили, и он, значит, горел уже завод. Все там горело. Там же делали все, сыры, например, эти

большие, голландский сыр, очень вкусный, большой сыр. И он стырил такой большой сыр и принес нам, в лес. И он видел, куда мы побежали. А Неман, удивительно, воды было, чуть выше колена, так мы даже штаны, так это...

- Заправляли?

- Нет, закатали и так Неман переходили. 3 дня в лесу сидели и решили, все – сгорела Любча.

- И сгорела на самом деле?

- Все сгорело, одна улица осталась. Эти власовцы кричали, почему не поджег последнюю улицу, уже Ленина. И вот, когда прекратился пожар, мы решили, что все сгорело, и там никого нет. Дошли до маслозавода, а там власовцы. Лошади ржут и столько их там, может тысяча, и не меньше. Стоит, значит, при дороге, усы, тут сабля...

- С саблей?

- Да, с саблями.

- А вы не помните, какая форма у них была? Как они выглядели?

- Форма что-то красное с синим.

- Красное, в смысле пояс какой-то?

- Красные были какие-то...

- Или полоски может быть?

-...полосы.

- Понятно.

- Полосы красные.

- На штанах?

- Да, это я запомнил, вот. И тут так, на поясе, потом через плечо, пояс с патронами...

- Ага, патронаж?

- Да. Они остановили нас, сказали, мол, сейчас посмотрим, что с вами делать. А я нес брата на плечах, брат 40ого года, ему было годика 3.

- Угу, маленький совсем.

- И нес его на плечах, потом посмотрел в сторону, лес рядом, ну, чтобы убежать. Приходит командир, еще большие усы и такой грозный. Он посмотрел на нас, а что

мы, дедушка под мостом, сидел, бабушка, мать, отец; тут дети видно сердце екнуло, и пожалел. Говорит, мол, ладно, пускай идут. И вот так мы прошли.

- А он видел вашу мать, бабушку с дедушкой, или только вас с братиком?

- Бабушка, мать, отец и мы детки.

- Все вместе шли?

- Все вместе.

- Я думала, они тоже спрятаны.

- Еще соседи. А в лесу, значит, когда бомбили Любчу, а мы ушли в лес, и прижался к дубу и из самолета, стреляли по нам. Это тоже факт.

- Мы остановимся немножко, есть проблема какая-то, техническая.

- Ага.

-...

- Мы продолжаем наше интервью, я хочу вернуться к одному вопросу. К вопросу, про гетто, да; потому что вы говорили, что в Любче было гетто.

- Да.

- А вы помните, сколько времени это гетто просуществовало.

- Точную цифру, точное время не могу сказать, но года 2, это точно.

- Вы думаете, что где-то 2 года просуществовало?

- Да, года 2 было.

- Вы видели когда-нибудь это гетто?

- Лично я, знал только где оно находится, но ходить, туда не ходил.

- Не ходили?

- Нет, потому что охраняли его. Охранялось оно полицией, и ходить туда, ну я видел, где построены было, это гетто. Где церковь вот, в Любчах, и за церковью, школа была, начальная школа, и вот за школой, там вот, где примерно сейчас лесничество.

- Вы тогда не подходили к этому гетто?

- Нет, подходить было страшно.

- А вы видели, как загоняли туда людей?

- Как загоняли?

- Да.

- Как загоняли людей, не знаю.

- А евреев, которых держали в гетто, их постоянно держали закрытыми или иногда выпускали куда-нибудь?

- Я не видел, чтобы их выпускали. Их не выпускали. Там была огорожена территория, там были бараки эти построены. И там они, без нормальных жизненных условий, существовали.

- Угу.

- Ну, вначале их мало было, потом согнали больше, и потом, когда уже гнали на расстрел, то их было много, много было.

- Я правильно понимаю, что хоть с какого-то расстояния, вы видели это гетто? Или даже с расстояния не видели? Или потом уже, после, того, как гетто закрыли, вы видели место? Потому что вы говорите про какие-то бараки, вы их видели, эти бараки?

- Ну, бараки это и есть гетто.

- Ага.

- Бараки, это и есть гетто.

- И вот в них...

- И потом, когда вот, бомбили Любчу, я еще раз повторяюсь, все сгорело и гетто, и все что там было, все сгорело. Осталась только одна улица Ленина и мой дом, в котором я жить остался.

- Знаете, некоторые свидетели говорят, свидетели, которые видели гетто, они говорят, что видели на евреях шестиконечные звезды, такого желтого цвета, вы такое не наблюдали?

- Бог их знает. Ну, знаки какие-то отличия должны быть, но я не могу утверждать, потому что не присматривался, к таким вещам, понимаете, не присматривался.

- У меня еще вот такой вопрос, а что случилось со всем имуществом тех евреев, которые жили у вас раньше, до войны, в Любчах?

- Имущество, конечно, все было разграблено и уничтожено. Все, что было у них, все разграблено и уничтожено.

- А кто разграбил, кто уничтожил?

- Местные, все местные. Во-первых, когда значит, евреи прекратили торговлю, когда согнали их всех, вот, и там пустовали, эти подвальные помещения, и сами эти люди, разграбили.

- Вы видели, как кто-то, что-то, куда-то таскал, или откуда-то тащил?
- Нет, я жил на противоположной стороне, на площади, в конце улицы проживал. 85 номер дома. Нам туда, ходить родители не разрешали.
- Понятно.
- Ну, а родители потом, отца, когда немцев прогнали, отца комиссовали. Он под Польшей ранение получил, был контужен, его комиссовали, вот.
- Угу.
- Вот, отца.
- Я хочу спросить, вот в те годы, военные, вы когда-нибудь видели советских военнопленных где-то?
- Советских военнопленных не видел.
- Никогда не видели?
- Не видел.
- Вы в прошлый раз...
- Вот, извините, что перебиваю, вот немцев – военнопленных я видел.
- А где?
- Когда отступали на Запад, они удирали лесом, а в лесу – хутора, люди подсказывают, что партизаны, что, когда установилась власть, у нас, делали облавы. Значит, вот один эпизод привожу, это достоверный факт. Значит, когда немцы отступали, и сказали нашим партизанам, они сказали вылазку сделать. У нас, лично, у нас во дворе, стояли партизаны, человек 50, в сарае и там стог сена стоял, и они там ночевали. Когда сказали, что немцы отступают, командир отряда и, наверное, человек 30, вооруженных партизан, решили облаву сделать на немцев. Ну и вот пошел наш командир, отряда, чтобы лишней крови не было, и так море слез и крови, за время войны, это, утекло. Так он пошел на переговоры, чтобы они сдались, что их уничтожать не будут, что пошлют восстанавливать Волгоград, Курск и другие города значит. Помню немку, косы у нее были до пояса, растрепанные, черные волосы, сверкали глаза, как у этой, как у Гитлера, готова всех съесть, сидела она на земле. Когда мы подошли, нас прогнали, а сестра, сестры дом, ну 20-30 метров...
- От вашего дома?
- Нет, от места этих событий.
- А, которые происходили?

- Да, а мой дом, метров 100. И вот в конце огорода, дали лопаты, заставили ямы копать. И немка сидела, вот, растрепанные волосы, а когда выкопали яму, а немцы, хватали партизан, за ноги, за сапоги, чтобы они не убивали их. А партизаны ногами их, значит...

- Пинали их?

- Пинали, да. Когда выкопали яму, с немки этой начали. Вот, диск в автомате, большой, круглый, они полностью диск разрядили в немку. Там достаточно было одной, двух пуль, а они весь диск, короче ее на части.

- Вы начали рассказывать про то, что этот командир подошел к ним, чтобы попросить их сдаться, и что случилось?

- И она вот, она его расстреляла в упор.

- Эта немка?

- Да, и вот все-таки, извините, не договорил, поэтому вот, их всех и расстреляли немцев. А так, они бы отослали их куда-нибудь в Волгоград.

- Угу.

- Ну, тут...

- И после этого их заставили копать ямы?

- Их вывели из леса и сразу заставили ямы копать. И я могу это место показать, хоть сейчас, и раскопки подтвердят мои, эти слова. И это могут подтвердить там, и сестра и многие кто, там, рядом проживает или проживал, кто остался жив, тоже.

- Вы сказали, что вы, вначале были рядом, и видели эту немку, а потом вас прогнали?

- А потом нас прогнали, и мы на крышу дома залезли, вот сестра рядом жила.

- Ага, вы залезли на крышу дома?

- Да, и все это видели.

- Угу.

- Как пинали эти партизаны, сапогами, этих немцев, а потом как расстреливали, конечно, потом не спали, неделю, все это откладывается в голове. Детям нельзя этого видеть.

- Скажите, пожалуйста, уже после того, как война закончилась, в Любчах уже жили евреи?

- Не было.

- Не было?

- Не было евреев. В Любчах не было, только остались кладбища, и вот сейчас, к сожалению, вот на место кладбищ, построили дома. И такие, вот как Брикман, ну предприниматель, он мог построить где угодно, ведь столько земли пустует, боже мой. А они нашли место, где строить дома, на кладбище. Кладбищ, как таковых сейчас нет, только осталась яма эта, только в конце наших кладбищ. Вот, яма и памятник и там эта табличка, все, что от них осталось. А кладбища эти уничтожены. Я помню, как хоронили их. Могу рассказать, значит, когда еврей умер, его закатывали в простынь, ходили, кричали: “вай, вай, вай”. А как хоронят, я не подходил, ну потому что, неприятно это все.

- Мы здесь остановимся, и я хочу поблагодарить вас, сказать, спасибо вам большое, за ваши воспоминания.

-...

- Мы, продолжим наше интервью, и у вас есть еще один эпизод, который вы наблюдали и о котором можете рассказать?

- После трехдневного отдыха, так называемого, связанного с тем, что мы лесу просидели, прятались от бомбежки, которую проводили немцы, власовцы. После трехдневного отдыха, в кавычках, мы шли домой, ну, через мост прошли...

- Вы рассказывали о том, как вы вернулись, встретились с казаками и они разрешили вам идти домой.

- И они разрешили идти домой. А на следующий день, откуда ни возьмись, шли партизаны, и столько их шло, ну я считаю, что не меньше трех, пяти тысяч, очень много шло. И когда они узнали, кто-то доложил, наверное, что власовцы прячутся на территории маслозавода, они окружили этот завод, эту территорию и попросили их сдаться. Но они начали отстреливаться и не пожелали сдаваться. Начали удирать, в рожь, рожь у нас там росла, это был июль месяц наверное. Наши партизаны подожгли рожь, тогда власовцы побросали оружие, руки вверх и сдались.

- А вы как эта рожь горела?

- Да.

- Вы видели, да?

- Да.

- Вы видели, как они выходили с поднятыми руками?

- За 10 километров, было видно, как эта рожь горела, дым столбом стоял, и там разглядеть что-то... В общем финиш таков, на каждый столб, петлю на шею, и на каждый столб, на площади, повесили власовцев. Ну, всех конечно они не могли повесить, потому что столбов не хватит.

- В Любчах они повесили?
- Это в Любчах, это на площади. И они 3 дня висели и никто там, ну, в общем, все видели, все знают, любого жителя, пожалуйста, спросите.
- Вы тоже видели, как они висели?
- Видел, как ветер качал вот так, голова опущена, руки вот так. Ветер качает их и 3 дня не разрешали снимать. Потом сняли, где закопали, я не в курсе.
- А вы не помните, сколько таких повешенных было, много или мало?
- Ну, на каждом столбе висели, сколько столбов, столько и власовцев было. Ну, не меньше 10ти было, не меньше.
- Табличек они не ставили...
- Это факт, это факт...
- Табличек они не ставили, эти партизаны, ничего такого?
- Нет, где-то просто засыпали их.
- Потом?
- Закопали просто, как собак хоронят, так и похоронили этих предателей. Ну, что еще интересного? Не знаю.
- Ну, теперь уже все рассказали.
- Все.
- Спасибо вам, еще раз.
- Ну не за что, что вы. Просто хотелось бы, чтобы люди знали об этом, и кто не знает, чтобы знал, а кто знает, чтобы не допускали, третьей мировой, чтобы не было, потому что будет самоуничтожение, будет самоуничтожение.